

А. Д. Кошелев

О КРИТЕРИЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОЛНОТЫ МЕТАЯЗЫКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО СОБОЙ ПОДЪЯЗЫК ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА*

1. Введение

В статье показывается, что человеческое представление (ментальная репрезентация) действительности образовано совокупностью самостоятельных внеположных естественному языку ментальных миров, или систем понятий. Один из этих миров можно мыслить как «первичный», или «житейский» мир. Он и есть непосредственный объект описания естественного языка, придающий его фразам общезыковой смысл. Совокупности таких общезыковых смыслов и составляют наивную, или языковую, картину мира. Остальные — «вторичные» миры, или системы понятий: «математический», «философский», «художественный» и др. лишь опосредованно описываются естественным языком, а непосредственно — самостоятельными языками, которые базируются на естественном языке (подобно вторичным моделирующим системам — по Ю. М. Лотману). Фраза естественного языка обретает реальный смысл только относясь к тому или иному ментальному миру (как к своему референту). Так, фраза *Сумма углов треугольника равна двум прямым углам* несет вторичный, а именно математический смысл, который нельзя описать посредством естественного языка, хотя составляющие ее слова *угол*, *треугольник*, *прямой* — самые обычные слова этого языка. Они используются людьми, вообще не знающими геометрии. Аналогично, фраза *Сумма окладов сотрудников равна окладу начальника* в зависимости от сферы референции может выражать сугубо профессиональный смысл бухгалтерского мира или же относиться к первичному, житейскому миру человека, выражая обыденный (наивный) смысл.

В статье рассматривается метод описания естественного языка, связанный с выделением в нем элементарного подъязыка и придани-

* Статья вышла в сб.: Современная семиотика и гуманитарные науки / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 363—375.

ем ему статуса метаязыка. Такой метод принят, в частности, в теории моделей Смысл — Текст, в исследованиях Московской семантической школы и в семантической теории Анны Вежбицкой. Вот как определяется метаязык в Московской семантической школе:

Семантический метаязык — это упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка ... В подъязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы и синтаксические конструкции в их основных значениях ... При этом ядро словаря образуют ... семантические примитивы и слова-смыслы типа *начать*, *переставать*, *момент*, *цель* и т. п.

На метаязыке строятся «аналитические толкования», посредством которых предполагается описывать все остальные значения (или смыслы) естественного языка-объекта: лексические, грамматические, прагматические и пр.

Зададимся вопросом: каковы возможности такого метаязыка? Какие смыслы ему «подвластны», а какие — нет? Ясно, что фраза

(1) *Сумма углов треугольника равна двум прямым углам.*

несет математический смысл, который не должен описываться подобным метаязыком. В то же время смысл сходной фразы

(2) *Сумма окладов сотрудников равна окладу начальника,*

подлежит такому описанию. Так же как и фраза

(3) *На крышке портсигара сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник* (М. Булгаков).

Другой пример — афоризм Ежи Леца

(4) *Жаль, что в рай надо ехать на катафалке.*

В нем заключен художественный смысл, на описание которого метаязык уже не рассчитан, хотя слова *рай* и *катафалк* вполне обыденные и могут принадлежать метаязыку.

Условимся называть общезыковыми смыслами те неспециальные смыслы, для описания которых и предназначен метаязык. Их мы будем отличать от специальных смыслов: математических, философских, поэтических и пр. Носитель языка, как правило, легко определяет, какие смыслы являются общезыковыми, а какие — нет. Он хорошо понимает, что фразы с философским или поэтическим

смыслом, не относятся к непосредственной сфере естественного языка, а фразы, скажем, бытового содержания — относятся. А это значит, что носитель языка пользуется каким-то критерием для различения общеязыковых и иных, специальных, смыслов.

Одна из основных целей статьи и состоит в уяснении сущности этого критерия.

2. «Общеязыковой смысл» и критерии его идентификации

1. Неопределенные смыслы слов. Зададимся вопросом: обладают ли общеязыковым смыслом отдельные слова и словосочетания? На первый взгляд кажется, что да. К примеру, слово *треугольник* имеет математический смысл, а *оклад сотрудника, оклад* — общеязыковой. Однако легко убедиться, что, в общем случае, это не так. Во фразе (3) *На крышке портсигара сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник* слово *треугольник* имеет уже общеязыковой смысл. А в системе бухгалтерского учета слово *оклад* может иметь уже вполне специфический, не общеязыковой смысл.

Конечно, есть и слова-термины: *теорема, интеграл*. Но, скажем, слово *доказательство* уже амбивалентно. Во фразе *Доказательство его вины налицо* оно обозначает не научные, бытовые свидетельства истинности мнения говорящего. Более того, и термины принимают иногда общеязыковой смысл. Так, фраза *Это — аксиома* может, наряду с математическим, обрести и общеязыковой смысл.

Кстати, возможно и обратное: казалось бы, заведомо обыденные слова могут использоваться в сугубо специальном смысле. Когда Блез Паскаль, пятилетним мальчиком, формулировал самостоятельно открытые им теоремы геометрии, он прямую называл палкой, окружность — колесом и т. п.

Итак, смыслы отдельных слов становятся соответственно математическими и общеязыковыми только в контексте фразы, в зависимости от ее общей темы.

Уже из приведенных примеров ясно, что тип смысла (общеязыковой, математический, художественный) возникает у языковой единицы (фразы и ее частей) в акте референции, когда определяется, что именно описывает фраза и ее единицы — *треугольник, доказательство* и др., в какой тематический контекст они включены.

Подытожим сказанное. Общеязыковой смысл не складывается из «атомарных» смыслов, или «семантических примитивов». Типология смысла, — это атрибут не слова, а высказывания, имеющего рефе-

рент, т. е. отнесенного к внеязыковой реальности. А стало быть, общеязыковой смысл не может быть задан посредством только метаязыка и простых слов его словаря.

Каков же критерий идентификации общеязыкового смысла? Покажем, что здесь возможны две альтернативы: 1) внутренний критерий, чисто языковой, и 2) внешний критерий, апеллирующий к внеязыковой реальности.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий обе указанные альтернативы.

2. Метаязык Проппа. Обратимся к статье Вяч. Вс. Иванова «Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии» (Иванов 2007: 14).

Примером исключительно удачного построения формальной системы может быть морфологическое описание волшебной сказки, выполненное В. Я. Проппом. Анализируя русские волшебные сказки из собрания Афанасьева ... Пропп пришел к мысли, что выявленную им структуру волшебной сказки можно истолковать, предположив, что в основу ее первоначально была положена схема обряда инициации (разрядка моя. — А. К.).

Этот пример позволяет нарисовать такую картину (см. рис. 1):

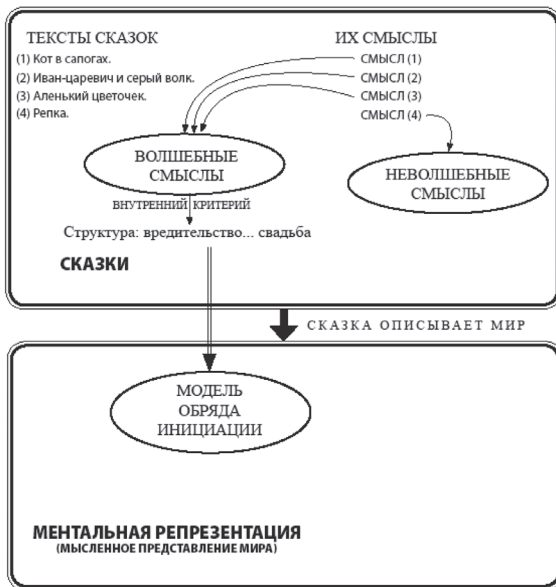

Рис. 1. Описание смысла волшебной сказки

Имеется множество текстов сказок, задающих сказочные смыслы. Среди них есть ограниченный, самостоятельный класс волшебных сказок и их волшебных смыслов. Для этого класса Пропп на метаязыке функций действующих лиц и вспомогательных связующих элементов строит единообразную структуру:

Морфологически волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства ... через промежуточные функции к конечной функции (свадьбе, ... награждению, ... добыче) (Пропп 1998: 69).

Это — внутренняя характеристика смысла волшебной сказки, задающая волшебный смысл формально, своей структурой.

Однако Пропп на ней не останавливается. Он ищет для этой структуры содержательную характеристику.

Но все-таки хочется поставить вопрос: если все волшебные сказки так единообразны по своей форме, то не значит ли это, что все они происходят из одного источника? ... да, похоже, что это так (Там же: 80).

Пропп приходит к мысли, что в основу волшебной сказки « первоначально была положена схема обряда инициации ». А это уже внешний критерий — схема внеположной смыслам волшебной сказки модели символического действия (обряд инициации). Иначе говоря, по мысли Проппа, именно вариации этой модели описываются волшебными сказками.

3. «Наивная картина мира». Вернемся к общезыковому смыслу. В Московской семантической школе используется внутриязыковой критерий — понятие «наивная картина мира». Оно введено в современный научный оборот Ю. Д. Апресяном и получило широкое распространение.

Остановимся на нем подробнее (см. рис. 2).

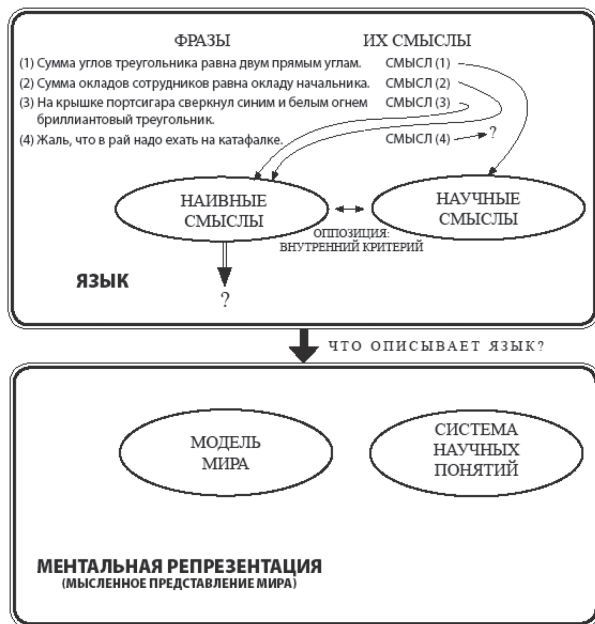

Рис. 2. Наивная картина мира

Это критерий внутренний, потому что характеристика «наивная картина мира» относится напрямую к языку и языковым смыслам, а не к ментальной репрезентации — внеязыковому представлению человека об окружающем мире. Возможно, поэтому в настоящее время Апресян чаще использует синонимичный термин: не «наивная», а «языковая картина мира». Ср.:

Идея языковой (другое название — «наивной») картины мира ... может быть представлена следующими основными тезисами: а. Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка — лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции ... б. Картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира ... в. Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т.е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков (Апресян 2005: 7—8).

Итак, во-первых, наивная картина мира определяется не сама по себе, а в противопоставлении

научной картине мира, как отличная от нее «во многих отношениях». Во-вторых, наивная картина мира дает внутриязыковую характеристику смыслов. Она не описывает внеположную языку действительность, а напротив, задает свой «особый способ мировидения» этой действительности, ср.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира ... Свойственный языку способ концептуализации действительности «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные (Апресян 1995: 350—351) (разрядка моя. — А. К.).

Из приведенных цитат вырисовывается следующая схема. Наивная и научная картины — это два оппозиционных класса языковых смыслов в рамках единой системы языка. В исследованиях Московской семантической школы с полной убедительностью изучена сложная специфика многих подклассов, или «подсистем», класса «наивных» смыслов: наивная физика пространства и времени, наивная психология и др. Они легко конституируются, но не сами по себе, а как оппозиционные научным смыслам: научной физике пространства и времени, научной психологии и под. Но определить «наивные» смыслы, не включенные в научные или этнокультурные противопоставления, гораздо сложнее. Так, смыслы упоминавшихся выше фраз (2) *Сумма окладов сотрудников равна окладу начальника* и (3) *На крышке портсигара сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник*, безусловно, являются общеязыковыми. Но что в них «наивного», объяснить нелегко, поскольку неясно, каким научным смыслам они противопоставлены.

Итак, понятие «наивная картина мира» задает внутренний, языковой критерий, подобный внутреннему критерию Проппа для смыслов волшебной сказки: «всякое развитие от вредительства ... к конечной функции — свадьбе». Однако он менее конструктивен, чем пропповский, и определяет «наивные» смыслы не сами по себе, а лишь как оппозицию к «научным» смыслам.

4. Основная гипотеза. Попытаемся показать, что, подобно смыслам волшебной сказки, описывающим обряд инициации — модель представления реальности (см. рис. 1), общеязыковые смыслы описывают внеположное языку первичное представление человека об

окружающем его мире, — представление, которое мы будем называть обыденным, или «житейским»¹, миром человека (см. рис. 3).

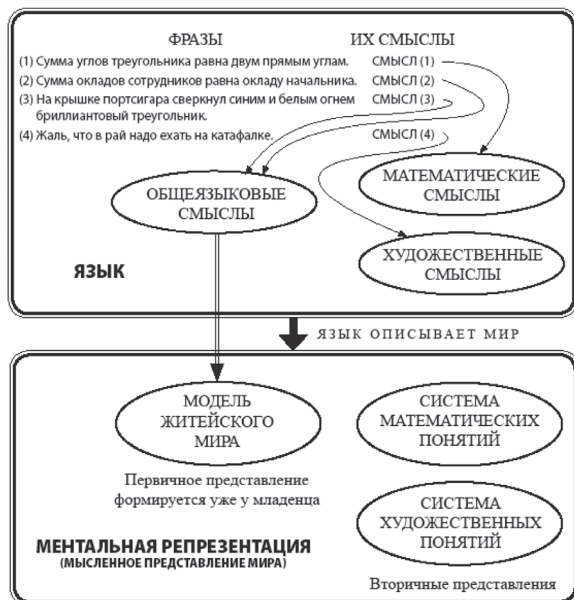

Рис. 3. Общеязыковые смыслы

В рамках общей ментальной репрезентации реальной действительности этот мир имеет особый статус, поскольку он феноменологически первичен как в отношении естественного языка, так и в отношении вторичных систем понятий (или миров): научного, художественного и др.

Итак, человеческое представление действительности (или ментальная репрезентация) составляется из ряда самостоятельных непересекающихся металлических миров. Один из них можно мыслить как «первичный», или «житейский», мир. Он и есть непосредственный объект описания естественного языка, придающий его фразам общеязыковой смысл.

Остальные — «вторичные» миры, или системы понятий: «математическая», «философская», «художественная» и др. — имеют са-

¹ Это понятие сходно с понятием «интерсубъективный жизненный мир» Э. Гуссерля и вполне соответствует понятию «жизненное пространство» К. Левина, см. (Левин 2001).

мостоятельный статус. Они лишь опосредованно описываются естественным языком, а непосредственно — самостоятельными языками, которые базируются на естественном языке (вторичными моделирующими системами, — по Ю. М. Лотману). Фраза естественного языка, относясь к тому или иному ментальному миру как к референту, обретает его тематический смысл. Фраза *Сумма углов треугольника равна двум прямым углам* обретает математический смысл, относясь к математической системе понятий (математическому миру), а фраза *На крышке портсигара сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник* — обретает общеязыковой смысл, поскольку описывает первичный ментальный мир.

Данная гипотеза базируется на одном важном допущении: житейский мир человека имеет независимый от языка, самостоятельный феноменологический статус. Только благодаря этому критерий общеязыкового смысла — отнесенность его к житейскому миру — становится внешним, независимым от языка.

3. «Житейский» мир человека — объект описания его языка

1. Внеположность «житейского» мира языку. Психологическим обоснованием первичности человеческого представления мира долгое время служила концепция Ж. Пиаже. Согласно Пиаже предметная картина мира формируется у младенца независимо от усвоения языка, в процессе сенсомоторного овладения предметным окружением, которое завершается к концу младенческого периода — примерно к полутора-двум годам. Тем самым утверждается, что первичная предметная картина мира младенца носит самостоятельный и внеязыковой характер. Однако, несмотря на всемирный научный авторитет Пиаже, эта его позиция не получила безоговорочного признания. Дело в том, что к полутора-двум годам ребенок уже говорит, а стало быть, его язык вполне может «успеть» поучаствовать в формировании предметной репрезентации мира.

Имелось, правда, еще одно обоснование — философское, сформулированное более двух столетий назад, а именно: утверждение Канта о том, что человек воспринимает пространство и предметный мир (как форму) а priori:

... хотя материя всех явлений дана нам только а posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе а priori ... Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы пред-

ставляем себе предметы как находящиеся вне нас, и при том всегда в пространстве. В нем определены или определимы их внешний вид, величина и отношение друг к другу (Кант 1964: 128—129).

2. Предметный мир годовалого младенца. Замечательно, что в совсем недавнее время этот постулат Канта получил полное психологическое подтверждение.

Поясню эту мысль, не мною впервые высказанную.

Широкомасштабные когнитивные исследования последних десятилетий выявили радикальную недооценку исследователями перцептивных способностей младенца.

Обнаружилось, что *многие механизмы восприятия младенца, являются врожденными и актуализируются уже в первые дни и недели его жизни. Другие перцептивные навыки распознавать и объяснять окружающий мир развиваются очень быстро и к 7—8 месяцам приближаются к навыкам взрослого человека.* И для этого младенцу вовсе не требуется сенсомоторное овладение предметным миром, как полагал Пиаже, а также и Л. С. Выготский, дискутировавший с Пиаже по другим вопросам, а также и многие другие психологи². В итоге обнаружилось, что *во втором полугодии жизни у младенца формируется вполне детализированная и осмысленная картина окружающего предметного мира.*

Так, младенец в это время способен воспринимать: а) постоянство формы и размеров предмета (независимо от расстояния до него), б) глубину пространства и расстояние до предмета, в) плотность предмета, его цвет, включая почти все оттенки и т. д.; он понимает а) константность предмета (его существование, независимое от его восприятия), б) единство его полимодальных свойств (цвета, формы, плотности, тактильных и звуковых проявлений), в) непроницаемость плотных предметов и неизбежность столкновения одного плотного предмета (мяча), движущегося навстречу другому плотному предмету (стене), г) необходимость опоры для предмета и падение последнего, если он такой опоры лишается и т. д.

Чуть позже, к 10—12 месяцам, младенец начинает различать движение предметов и живых существ и понимать инерционность движения первых и произвольность движения вторых. Он понимает, что окружающие его живые существа имеют свои трактовки проис-

² «Лишь к 3 годам восприятие ребенка максимально приближается к восприятию взрослого человека ... в связи с рядом деятельностей ребенка» (Выготский 2005: 158—159).

ходящих событий и действуют в соответствии со своими желаниями и т. д., и т. п.

Перечисленные результаты, далеко не покрывающие всего спектра подобных исследований³, свидетельствуют о существовании у младенца ментальной репрезентации окружающего его мира до начала усвоения им естественного языка. Как показывают эксперименты, эта ментальная репрезентация формируется у годовалого младенца практически *независимо не только от его родного языка, но и от конкретного жизненного уклада, в рамках которого протекает его начальное развитие.*

3. Элементарные общезыковые смыслы. *Этот возникающий у младенца «житейский мир» и служит тем целостным объектом, на описание которого ориентирован усваиваемый младенцем язык. Житейский мир и является той «референтной базой», с которой соотносится звучащая вокруг ребенка речь и благодаря которой она наполняется смыслом.*

А это означает, что данная Соссюром (и поддержанная Б. Урфром, Э. Бенвенистом и др.) трактовка языка как инструмента членения «туманной, аморфной действительности» и создания из нее предметного мира, а стало быть, и инструмента мышления человека, — эта трактовка уходит в историю. И на смену ей приходит альтернативная трактовка, которая отводит языку гораздо более скромную роль: не определять, а описывать окружающий человека предметный мир, — мир, который формируется, главным образом перцептивной системой человека. Эту трактовку естественно назвать когнитивной (Пропп 1998: 69).

Сформулированный тезис позволяет сделать следующий вывод.

Для описания житейского мира человека рассмотренного выше метаязыка оказывается недостаточно. К метаязыку требуется добавить еще набор элементарных житейских концептов, — *основных элементов, отношений и структур «житейского мира» человека.* И выбор таких концептов следует делать путем анализа структур и законов функционирования данного мира, уже без обращения к языку.

Итак, подобно тому, как модель обряда инициации задает, по мысли Проппа, класс смыслов волшебных сказок (рис. 1), *модель «житейского мира» младенца задает класс общезыковых смыслов языка, а структура базисных концептов этой модели дополняет его метаязык (рис. 3).*

³ См., напр., (Берк 2006; Баттерворт, Харрис 2000: 86—123).

Литература

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2005 — *Апресян Ю. Д.* О Московской семантической школе // *Вопр. языкознания.* 2005. № 1. С. 7—8.
- Баттерворт, Харрис 2000 — *Баттерворт Д., Харрис М.* Принципы психологии развития. М., 2000.
- Берк 2006 — *Берк Л. Е.* Развитие ребенка. СПб., 2006. Часть III.
- Выготский 2005 — *Выготский Л. С.* Психология развития ребенка. М., 2005.
- Иванов 2007 — *Иванов В. В.* Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии // *Избранные труды по семиотике и истории культуры.* Т. IV. Семиотика культуры, искусства, науки. М., 2007. С. 14.
- Кант 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
- Левин 2001 — *Левин К.* Регрессия, ретрогрессия и развитие // *Динамическая психология.* М., 2001.
- Пропп 1998 — *Пропп В. Я.* Морфология «волшебной» сказки. М., 1998.

A. D. Koshelev

La plénitude sémantique du métalangage, langage auxiliaire de la langue naturelle

Le métalangage sémantique de la langue naturelle est souvent interprété comme un sous-langage simplifié et standardisé de la langue naturelle. Il comprend:

1. l'ensemble des mots simples de la langue (le dictionnaire);
2. la liste des constructions syntaxiques simples. On suppose (habituellement sans arguments) qu'à l'aide d'un tel métalangage on peut décrire toutes les significations (simples et complexes) des énoncés de la langue naturelle donnée. Pour justifier cette hypothèse, il est nécessaire avant tout de savoir quelles significations sont susceptibles d'être décrites (celles qui appartiennent à la langue) et celles qui ne le sont pas. Par exemple, la signification d'une phrase dans un texte philosophique et poétique ne doit pas être décrite par ce métalangage, à la différence de la signification d'une phrase concernant la vie courante. Autrement dit, il faut caractériser le domaine (le monde) des significations de la langue donnée. Et ce n'est qu'après qu'on peut se poser la question de la plénitude du métalangage: sa capacité de décrire toutes les significations venant de la langue naturelle. On se propose d'examiner de façon analogique le développement de la fonction mathématique en une suite de Fourier. Ici les propriétés attribuées à la fonction (= la signification complexe) telles que la continuité ou la capacité d'intégration décrivent la classe de toutes les fonctions (significations) susceptibles

d'être représentées par la suite de Fourier. Les fonctions élémentaires, éléments de la suite, jouent dans la suite de Fourier un rôle analogique aux significations simples à l'aide desquelles sont décrites toutes les significations (fonctions). Enfin, la structure de la suite définit la construction syntaxique de la description des significations (fonctions).